

19. Толковый словарь русского языка: В 3 т. Под ред. проф. Д.Н.Ушакова. М.: Вече, Мир книги, 2001.
20. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., испр. и доп. М.: Азъ, 1995.
21. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А.Кузнецов. СПб.: «Норинт», 1998.
22. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Сост. А.И.Фёдоров. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1995.
23. Дземешкевич Л. Харбинцы. Омск, 1998.
24. Таут М.П. Сбережённый русский язык //Русская Атлантида. №7. 2001.
25. Терминология О.А.Лаптевой. См. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
26. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993.

А.Н.Анцыпова

Красноярский государственный университет

г.Красноярск

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБЩЕНИЕ КАК ОДНА ИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА ЗАРУБЕЖЬЯ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ ЭМИГРАНТОВ АВСТРАЛИИ

Проблемы функционирования языков в иноязычном окружении, а также вопросы взаимного влияния контактирующих языков на протяжении последнего столетия представляют неизменный интерес для лингвистов разных стран [см. 1-9]. Изучение языка русского зарубежья, несомненно, представляет интерес для исследователей, поскольку:

1) «история русского литературного языка XX века не может претендовать на полноту описания без включения этого материала» [10, с.3];

2) в необычной для себя обстановке (в иноязычном окружении) могут проявляться скрытые тенденции языка метрополии, что позволит выявить закономерности его развития.

В данной статье представлены некоторые результаты исследования русского языка эмигрантов, проживающих в Австралии.

Материалом исследования послужили *периодические издания* (журналы: «Австралиада. Русская летопись» (Sydney, Australia). 1995 (№4–5), 1996 (№6–9),

1997 (№ 10–14), 1998 (№15–18), 1999 (№19–21), 2001 (№ 26–29), 2002 (№31), 2003 (№36–37), 1994 (№ 38–40) – далее А.; «Русские харбинцы в Австралии» (Sydney, Australia) 1999 (№1), 2000 (№2) – далее РХА; «Друзьям от друзей» (Sydney, Australia) 1994 (№ 41), 1995 (№42–43), 1996 (№44–45), 1997 (№46–47), 1998 (№48–49), 1999 (№51), 2000 (№52) – далее ДОД; «Жемчужина» (Brisbane, Australia) 2000 (№1–4), 2003 (№13–16) – далее Ж.; «Картины прошлого» (Sydney, Australia) 1969 (№5), 1972 (№10), 1974 (№13) – далее КП; газеты: «Вестник. Русское Этническое Представительство штата Н.Ю.У», Сидней, 2001 (№19), 2002 (№21–23), 2003 (№24–25), 2004 (№26) – далее ВНЮУ; «Вестник. Бюллетень Русского представительства штата Виктории», Брисбен, 2003 (май, авг., дек.), 2004 (январь) – далее В.В; «Единение» (Русская еженедельная газета) Сидней, 2003 (№ 27–52) – далее Е.; «Горизонт» (Еженедельная газета) Сидней, 2004 (№1–14) – далее Г.); *художественные произведения представителей русского зарубежья Австралии* (Свиридов М., Ангелуца П. «Австралийские ветры. Из Австралии с любовью». Брисбен, 2000; Якупова Е. «Вторая жена. Рассказы». Сидней, 2002; Золотарева Т. «Маньчжурские были». Сидней, 2000.), *материалы анкетирования и частной переписки*.

Изученный материал свидетельствует о том, что в настоящее время едва ли можно говорить однозначно об отношении этнических русских в Австралии к русскому языку. Каждый приехавший в Австралию эмигрант по-своему решает этот вопрос, причем решение зависит от внутренней установки: хочет ли он, живя в Австралии, остаться русским или как можно быстрее стать австралийцем. В связи с этим несомненный интерес представляют данные социологического опроса, проведенного Л.Кузьминой в 1988 году среди русских эмигрантов (98 респондентов) в Австралии. Согласно данным, более 90% эмигрантов второй и более 80% эмигрантов третьей волны выразили желание, чтобы их дети знали русский язык [11].

Между тем, в полилингвистическом обществе, с явной тенденцией к использованию английского языка в более социально значимых ситуациях (работа, учеба, бизнес, отношения с государственной властью и др.),

несомненно, идет процесс перераспределения функций языков, что в свою очередь ведет к ограничению сфер использования русского языка.

Сопоставив данные исследователей русского зарубежья разных стран с материалами настоящего исследования (периодическая печать, исследования русского языка Австралии), можно сделать вывод о том, что основные социальные функции русского языка в эмиграции (независимо от страны проживания) не меняются: *общение внутри этнической группы, домашнее общение, церковь, профессиональное использование* (учителя русского языка, журналисты, редакторы периодических изданий, переводчики) [12].

Проведенное в рамках данного исследования анкетирование, в котором приняло участие 52 эмигранта (1923 – 1961 гг. р.), местом рождения которых являются Австралия (12 человек), Китай (36 человек) и СССР (8 человек), позволило проследить, как распределяются данные функции в русском зарубежье Австралии. В результате, проведенного анализа полученных данных, удалось установить, что основной социальной функцией русского языка респонденты считают *функцию домашнего общения** (44 чел. – 84,6%); остальные (8 чел. – 15,4%) – *функцию внутриэтнического общения*, то есть досуга.

Второй по значимости социальной функцией русского языка респонденты считают *функцию внутриэтнического общения* (30 чел. – 58%), остальные (22 чел. – 42%) – *религиозную функцию*.

Следует, однако, учитывать, что, поскольку в проведенном анкетировании приняло участие недостаточное количество эмигрантов, сделать окончательные выводы не представляется возможным. Тем не менее, полученные данные, в основном, совпадают с результатами зарубежных исследователей русского зарубежья Австралии [13; 14] и подтверждают мнение отечественных лингвистов о распределении социальных функций русского языка в эмиграции [12].

* Согласно статистическим исследованиям в Австралии 2001 года, основным языком домашнего общения у 76 % эмигрантов из Российской Федерации является русский язык [41].

Итак, по нашим данным, 42% респондентов, ответивших на вопрос анкеты о сфере применения русского языка, на втором месте (после семьи) указали церковь. По официальным же данным, согласно результатам переписи населения 2001 года, православных русских в Австралии насчитывается 18 507 человек [ВНЮУ 2003 – 25], что составляет 53,2% всего русского населения. То есть эти показатели достаточно близки результатам проведенного анкетирования.

Значение православной церкви в сохранении «русскости» эмигрантов трудно переоценить. Православная религия для эмигрантов стала символом России, объединяющим фактором, «в их глазах церковь сделалась главным охранителем национального и культурно-языкового единства...» [15, с.18]. Важная роль религии в сохранении единства русского этнического сообщества неоднократно отмечалась исследователями русского рассеяния [7; 9; 10; 15-18; 20; 21].

Эмигранты Австралии, похоже, полностью разделяют это мнение. В частности отмечается, что, даже, несмотря на то, что службы в церкви проводятся на церковнославянском языке, они оказывают огромное значение на объединение русских и сохранение русского языка [14; 22]. Эмигранты уверены, что достаточно двух-трех поколений, чтобы молодежь полностью растворилась в иностранной среде, чтобы навсегда исчезли не только язык и вера, но и всякая память о России. Спасти положение, по их мнению, может «только православная церковь – оплот веры, нравственной культуры и русскости...» [23, с.17].

Православное христианство пришло в Австралию вместе с представителями первой волны эмиграции (1910–1911 гг.)^{*}, однако едва ли можно говорить о его распространении и значении среди эмигрантов в те годы, по сравнению с религиозной устремленностью эмигрантов первой волны в

^{*} Традиционно выделяются четыре волны русской эмиграции в XX веке (1 волна – после революции 1917 года, 2 волна – после второй мировой войны, 3 волна – эмиграция 70-х годов, известная как «брежневская», основанная на разрешении евреям и немцам вернуться на историческую родину, 4 волна – постперестроечная (после 1987 г.) или экономическая. [15, 18, 20, 42, 43]. Однако русская эмиграция в Австралию имеет свои отличия, как во временном, так и в качественном отношении.

Европе [24]. По данным дальневосточной прессы, а также научных исследований, проведенных представителями русской эмиграции в Австралии, основная часть переселенцев первой волны эмиграции занималась тяжелым физическим трудом на строительстве дорог, рубке леса, золотых приисках, фермах и плантациях. Социальный состав эмигрантов был представлен выходцами из рабочей и крестьянской среды, внутренней установкой большинства которых была скорейшая ассимиляция [25-28].

Тем не менее, русская колония формировалась, и центром ее жизни была православная церковь. По воспоминаниям Н.М.Кристесен (урожд. Максимова), основательницы первого отделения русского языка и литературы в Австралии, православные богослужения стали проводиться в Брисбене*, в здании англиканской церкви уже с 1925 года [А. 1997 – № 14]. А в 1926 году был освящен первый в Австралии Св. Николаевский православный храм.

Говорить же о распространении православия в Австралии можно лишь со времени второй волны эмиграции. Причем, не вызывает сомнения, что основную роль в его распространении сыграла «харбинская эмиграция»**, поскольку религия в СССР в то время преследовалась во всех ее проявлениях.

С приходом второй волны эмигрантов православные храмы появились во всех крупных городах Австралии. Если до 1937 г. в Сиднее был только Свято-Владимирский храм, то к 1981 году в штате НЮУ было уже десять православных церквей [29, с.36]. В 1952 году был основан православный приход в г.Джилонге, а в начале 80-х годов – Свято-Троицкий приход Русской Православной церкви Московского Патриарха в Мельбурне [30, с.41]. Более того, как свидетельствуют материалы периодической печати, там, где нет соборов и церквей, русские объединяются в православные общины и проводят богослужения в снимаемых помещениях [31, с.24].

Кроме того, начиная с 1965 года, в Австралии ежегодно проходит съезд Русской Православной Молодежи, что, по мнению эмигрантов, несомненно,

* Брисбен – столица штата Квинсленд, один из первых городов, заселенных русскими эмигрантами.

** «Харбинская эмиграция» - эмиграция из г. Харбин (Китай); представляла значительную часть эмиграции второй волны в Австралию, сыграла огромную роль в формировании русского зарубежья Австралии.

способствует объединению русской молодежи и формированию русского духовного мировоззрения [32].

То, что церковь является неотъемлемой частью общественной жизни русских эмигрантов Австралии, доказывают и многочисленные публикации, описывающие общественные события в Австралии, на которых непременно присутствуют священнослужители, а также сами названия публикаций характеризуют духовную устремленность русского общества зарубежья: «Русская школа им. Св. Андрея Боголюбского при Свято-Покровском храме Русской Православной Церкви Московского Патриарха» [Г. 2004 – №14, с.3]; «Дорога к храму» [Г. 2004 – №1, с.2]; «Духовное достояние» [Е. 2002 – №37, с.2]; «Встреча с иерархами Русской православной церкви» [Е. 2003 – №39, с.1]; «Всех скорбящих радость» [Е. 2003 – №40, с.3]; «Престол Св. Покровского храма в Кабрамате^{*}» [Е. 2003 – №42, с.2]; «Без бога нация – толпа» [Е. 2003 – №43, с.1-2]; «Престольный праздник» [Е. 2003 – 46, с.3]; «Освящение русского центра при университете Макуори» [А. 2002 – №31, с.28] и др. Кроме того, в периодической печати постоянно публикуется информация о времени служб в различных церквях. При многих православных церквях функционируют русские школы. Современные Русские прицерковные школы предлагают бесплатное преподавание по предметам: Закон Божий, История России и мира, Русский язык, География, Русская литература, Пение [Г. 2004 – №1].

Тем не менее, в настоящее время представители русской эмиграции в Австралии озабочены тем, что внуки и правнуки эмигрантов 40–50-х годов (4–5 поколение эмигрантов – А.А.), ассимилируются, а русский язык становится для них вторым языком. Решить эту проблему, по их мнению, могут лишь русские школы и церковь. Они считают, что русские, родившиеся и выросшие в Китае, не ассимилировались только потому, что «ходили в русские школы, изучали русский язык и литературу, в семьях всегда говорили по-русски и соблюдали все обычаи и традиции Русской Православной Церкви» [33, с.107].

* Кабрамата – один из районов Сиднея

Являясь неотъемлемой частью жизни русской эмиграции, православная религия отразилась и в языке эмигрантов, в частности, в широком употреблении церковной лексики, зачастую непонятной носителю русского языка метрополии.

Практически все исследователи языка русского зарубежья отмечают архаичную лексику в языке эмигрантов [7; 10; 19; 34; 35], что, естественно, связано с рядом как субъективных, так и объективных причин (стремление сохранить язык в том неизменном виде, в котором они (их родители или бабушки) «вывезли» его из старой России, воспринимая язык в процессе домашнего общения, дети эмигрантов, закономерно, усваивают архаичную лексику). Однако помимо нейтрально-архаичной лексики, в практическом материале нашего исследования особое место занимает конфессиональная лексика.

Исследователи русского языка отмечают «актуализацию конфессиональной» лексики и в языке метрополии на современном этапе [36, с.47]. Выступая на Симпозиуме Русского языка в Университете Макуори (Австралия, Сидней), профессор В.Г.Костомаров отметил, что в России в настоящее время все более активно используются церковно-славянская лексика [Е. 2003 – №41] и в качестве примеров приводятся такие слова, как *Господь, благодать, храм, благотворительность, духовность*, действительно хорошо знакомые россиянам. На страницах же русскоязычной периодической печати Австралии авторы свободно, без каких-либо пояснений, пользуются церковной лексикой, о значении которой носитель русского языка метрополии может иметь лишь самое далекое представление: *клирос, епархия, приход, игуменья, иеромонах, диакон, протодиакон, отпуст, усопшие, трапеза* и др. Вот лишь несколько примеров:

- ... где были исполнены подобающие *акафистные песнопения* (Е. 2003 – №43, с.3). Акафист – «род хвалебного церковного песнопения» [37, с.23];

• По окончании **отпуста** все направились в Русский клуб (Е. 2003 – 43: 3). Отпуст – (церковн.) «прощание и молитва, при окончании службы» [38, с.748]. В словаре Ожегова данное слово не приводится;

• В 1958 году указом Архиепископа Саввы за долголетнюю и усердную службу Церкви Христовой был награжден **камилавкой** (РХА 2000, с.74). Камилавка – «высокий цилиндрический, с расширением кверху, головной убор как почетная награда православных священников» [37, с.259];

• **Владыка** в сопровождении **протодиакона** П. Гришаева три дня ехал поездом на дальний запад Австралии... (А. – №31, с.2). Владыка – «одно из названий архиерея» [37, с.84], протодиакон – «старший по чину дьякон» [37, с.615];

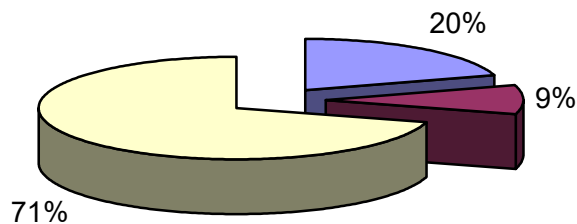
• О. Ростислав получил назначение на должность настоятеля..., а также **благочинного** женской обители (РХА 1999, с.4). Благочинный – «священник, которому поручено благочиние, округ, несколько церквей, причтов и приходов» [39, с.95]. Словарь Ожегова не дает подобного значения.

• При мерцании лампад сотни опускающихся на колени монашествующих в мантиях и **клобуках**, производили сильное впечатление (ДОД – №48, с.5). Клобук – «высокий монашеский головной убор с покрывалом» [37, с.273].

• К сожалению, несколько лет назад прихожане остались без постоянного **пастырского окормления** (А. – №28, с.42). Окормлять – (церковн.) «направлять в пути» [38, с.586]. Словарь Ожегова данное слово не дает;

• В 1921 году принял монашество и был **хиротонисан** во Епископа Хайларского (РХА 1999, с.2). Хиротонисать – «посвящать, рукополагать» [40, с.548]. Словарь Ожегова данное слово также не приводит.

На практическом корпусе исследования данная группа представлена 246 примерами ($\approx 20\%$ от общего числа особенностей (См. об этом: Анцыпова 2004), выявленных на лексическом уровне, при том что архаизмы, не связанные с религиозной темой, составляют лишь 9%). Результаты анализа соотношения конфессиональной лексики представлены на следующей диаграмме:

■ конфессиональная лексика ■ архаизмы □ другие особенности

Таким образом, анализ экстралингвистических условий функционирования русского языка в Австралии, в частности, роли православной церкви, позволяет сделать вывод о том, что, в то время как в России конфессиональная лексика лишь начинает возрождаться, в языке эмигрантов она широко и свободно используется, и это непосредственно связано с ролью православной церкви в жизни русского зарубежья Австралии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wells H. B. The Russian Language in the United States // *The American Mercury*. pp. 448–451.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков // *Избранные труды по общему языкознанию* Т.1. М., 1963. С. 362–372.
3. Розенцвейг В. Основные вопросы теории языковых контактов // *Новое в лингвистике*. Вып. VI. Языковые контакты. М., 1972. С. 5–22.
4. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // *Новое в лингвистике*. Вып. VI. Языковые контакты. М., 1972. С. 25–60.
5. Хауген Э. Языковой контакт / *Новое в лингвистике*. Вып. VI. Языковые контакты. М., 1972. С. 61–80.
6. Грановская Л.М. Русская эмиграция о русском языке: Аннотированный библиографический указатель (1918-1992). М., 1993.
7. Земская Е.А. Язык русского зарубежья: два полюса // *Язык. Культура. Гуманитарное знание*. М., 1999. С. 236–257.
8. Гловинская М.Я. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // *Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты*. М., Вена, 2001. С. 341–492.
9. Оглезнева Е.А. Жанр воспоминания в речи современных представителей харбинской диаспоры: мотивы и настроения // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах*. Благовещенск, 2001. С. 196–201.
10. Грановская Л.М. Русский язык в «рассеянии»: Очерки по языку эмиграции первой волны. М., 1995.
11. Kouzmin L. Language use and language maintenance in two Russian communities in Australia // *International Journal of the Sociology of language* 72. 1988. pp. 51–65.

12. Васянина Е.Ю. Русская звучащая речь в США. Диссертационное исследование на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1998.
13. Kuzmin L. Grammatical interference in Australian Russian // *The Slavonic Languages in Émigré Communities. (Current Inquiry into Language, Linguistics and Human Communication 42)*. 1982. pp. 73–87.
14. Ryan N. Socio-linguistic Changes with Particular Reference to Speech Etiquette in a Russian-speaking Community Living in two Different Cultural Environmens during the 20th century. PhD Thesis. Sydney. 1998.
15. Голубева-Монаткина Н.И. Эмигрантская русская речь // *Русский язык зарубежья*. М., 2001. С. 8–68.
16. Стародубцев В. Историко-культурный центр «Русское Зарубежье» начал свою работу // *Русский язык за рубежом*. 1991. № 4. С. 119–120.
17. Литвинова Г.И. Русские американцы. М., 1993.
18. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. М., 1994.
19. Голубева-Монаткина Н.И. Языковая культура русской эмиграции во Франции и Канаде. М., 1998.
20. Земская Е.А. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты // *Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты*. М., Вена, 2001. С. 25–340.
21. Васянина Е.Ю. Наброски к лингвистическому портрету русских американцев // *Русский язык за рубежом*. 2001. №2. С. 95–102.
22. Суворов И. Церковная жизнь. Окончание краткой биографии Владыки Архиепископа Федора // *Австралиада. Русская летопись*. 1999. № 19. С. 19–21.
23. Малиевская Т.Н. Русская прицерковная школа в Брисбене // *Австралиада. Русская летопись*. 2003. С. 17–19.
24. Шатилов А.Б. Эмигранты из России в Австралию в 20–30-е годы // *Славяноведение*. 1997. № 5. С. 9–14.
25. Малаховский К.В. Участие русских революционеров в рабочем движении Австралии // *Идеи социализма и рабочее движение в Австралии: Сб. статей*. М., 1981. С. 67–85.
26. Дмитриевский Н.И. Русские в Квинсленде. Приезд // *Австралиада. Русская летопись*. 1996. № 8. С. 8–9.
27. Каневская Г.И. Эмиграция с Российского Дальнего Востока в Австралию // *Австралиада. Русская летопись*. 1999. № 20. С. 34–36.
28. Говор Е. Из ранней истории. Русские анзаки // *Австралиада. Русская летопись*. 2001. № 27. С. 4–8.
29. Ширинская Е. Георгий Евгеньевич Радионов // *Австралиада. Русская летопись*. 2001. № 26. С. 35–36.
30. Филяровский И. Свято-Троицкий приход Русской Православной церкви Московского Патриарха в Мельбурне // *Австралиада. Русская летопись*. 2001. № 26. С. 41–43.
31. Мельникова Н. Св. Пантелеймоновская община в Госфорде // *Австралиада. Русская летопись*. 2004. № 38. С. 24.
32. Ширинская Е. Памяти Витязя // *Австралиада. Русская летопись*. 1999. № 20. С. 2–3.
33. Сулова Т.К. Учителя русских школ // *Русские харбинцы в Австралии*. 2000. С. 107.
34. Leinonen M. Language Survival: Russian in Finland // *Slavica Tampereusia. (Tampereen Gliopisto, Slaavilainen filologia)*. 1992 (I). pp. 1–44.
35. Голубева-Монаткина Н.И. Об особенностях русской речи потомков первой русской эмиграции во Франции // *Русский язык за рубежом*. 1993. № 2. С. 100–105.
36. Нестерская Л.А. О некоторых новых тенденциях в развитии словарного состава современного русского языка (социокультурный и лингвистический аспекты) // *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*. 1997. № 4. С. 40–47.

37. Словарь русского языка / Сост. С.И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л.И.Скворцова – 24-е изд. М., 2003.
38. Толковый словарь / Сост. В.И. Даль. – 2-е изд. Т. 2. М., 1955.
39. Толковый словарь / Сост. В.И. Даль. – 2-е изд. Т.1. М., 1955.
40. Толковый словарь / Сост. В.И. Даль. – 2-е изд. Т. 4. М., 1955.
41. Statistics 2001 // http://www.immi.gov.au/statistics/stat_info/comm_summ/textversion/russianfederation.htm p.1.
42. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919 – 1939. М., 1994.
43. Пфандль Х. Русский язык в современной эмиграции // Русская речь. 1994. № 3. С. 70–74.

Н.В. Колесова

*Красноярский государственный университет
г. Красноярск*

ОРФОГРАФИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЛЕКСЕМ В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОМ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИИ

Орфография заимствованных слов представляет собой отдельную специфическую область исследования. Эта тема продолжает оставаться актуальной в настоящее время, что обусловлено постоянным пополнением словарного состава языка иноязычной лексикой и требует квалифицированного лингвистического подхода.

Целью данной статьи является изучение орфографических особенностей передачи иноязычных лексем в текстах писателя-эмигранта третьей волны В. Аксенова, рассмотрение общих принципов и частных приемов индивидуально-авторской передачи новых иноязычных слов в русских текстах. Работа выполнена на материале повестей и романов автора, написанных в разные периоды его творчества.

Наблюдения над языком В.Аксенова позволяют сделать вывод о продуктивном использовании писателем иноязычных заимствований в русскоязычном тексте. Несмотря на то, что общее количество иноязычных лексем в текстах В.Аксенова чрезвычайно велико, они не представляют собой хаотической массы, напротив, обладают определенными общими свойствами, поддаются систематизации и классификации.